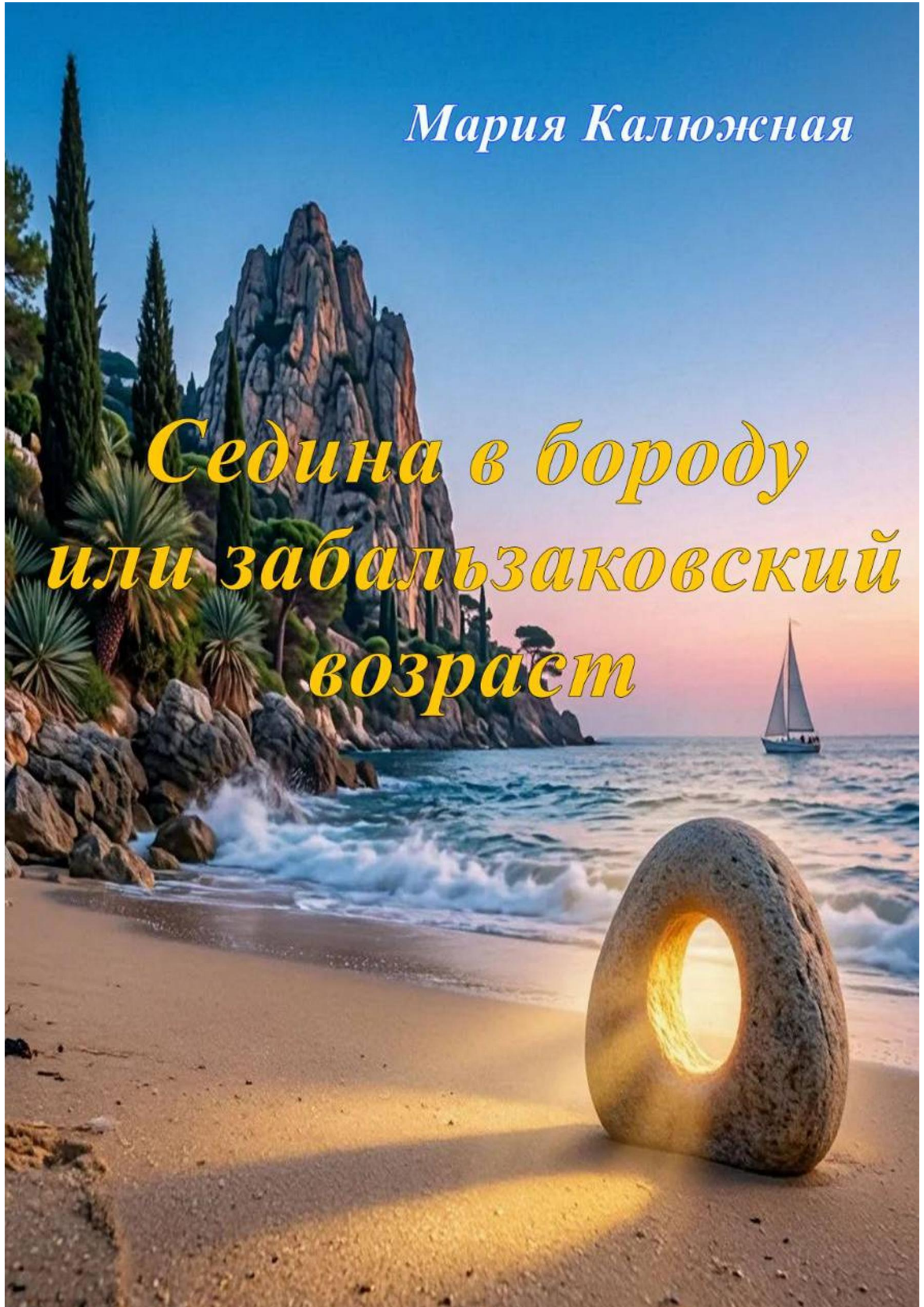

Мария Калюжная

*Седина в бороду
или забальзаковский
возраст*

Мария Калюжная

**Седина в бороду или
забальзаковский возраст**

«Автор»

2026

Калюжная М.

Седина в бороду или забальзаковский возраст / М. Калюжная —
«Автор», 2026

Бывший преподаватель Викентий в силу обстоятельств оказывается в пансионате, где знакомится с очаровательной Амалией. Сбежав от обыденности, они отправляются в путешествие, наполненное комическими ситуациями. Именно там исполняются желания, которым не суждено было сбыться. Родственники негодуют. Амалия и Викентий получают удовольствие от жизни. Чем закончится этот неожиданный побег?

© Калюжная М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Кеша, Кешенька, Викентий	8
Глава 2. «Буду я невестка тихая, работающая жена...»	13
Глава 3. Мальчик вырос	17
Глава 4. Познакомиться поближе	20
Глава 5. Должна быть мечта	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Седина в бороду или забальзаковский возраст

Пролог

Тёплый послеобеденный свет освещал просторную кухню-столовую. Шоколадный гарнитур, многоуровневое точечное освещение, выделяющее функциональные зоны, встроенная посудомойка, стальная кофемашинка – всё выглядело безупречно. Ярko-зелёный замиокулькас, пристроившийся рядом с мягким фисташково-коричневым диваном, дополнял идеальный дизайн.

Всё бы ничего, если бы не инородное тело. Тело стояло в центре, широко расставив короткие бутылочные ножки, уперев руки в боки, и орало. Другое тело, съёжившись и подобрав под себя острые коленки, пряталось в мягких подушках кресла.

– И где нам теперь его искать? Это что, старческий маразм? Ну кто бы мог подумать! В его-то семьдесят с лишним! – кричало тело, помахивая перед виноватым лицом Виктора измятым тетрадным листом.

– Успокойся, Викуля. Да куда он денется... Я уверен, что это шутка.

– Шутка? А если нет? А я тебе говорила, что после инсульта он стал странным! А МРТ его видел? Ну, точно с мозгами проблемы!

– Ну, во-первых, это микроинсульт, а во-вторых, это не помешало тебе отправить его в дом престарелых, – с опаской парировал Витя.

– Во-первых, это твой отец, и ты со мной согласился. Во-вторых, не в дом престарелых, а в пансионат. И заметь, недешёвый! В-третьих, мы его попросили, по-про-си-ли, побыть там полгодика, по-про-бо-вать!

– Да не жаловался он ни на что. В любом случае это, наверное, лучше, чем сидеть одному в квартире и смотреть телевизор.

– Да он никогда не жаловался! Такое чувство, что ему всё равно!

– Ну зачем ты так, Викуля. Он изменился, когда мамы не стало. Они же душа в душу жили.

– Три года уже прошло! Три года он безвылазно дома сидел, в одну точку смотрел! Да этот пансионат – благо! Мы столько выбирали, столько ездили, смотрели, и что? Никто его туда силком не тащил! Мог бы сказать, что не хочет!

– Не надо было ему говорить, что Сашка жениться собрался. Он на своей Жанне, может, никогда и не женится. Слишком они разные.

– Ты, что ли, со мной одинаковый? Ни рыба ни мясо! Если бы не я, так бы и жили в однушке! И сын весь в тебя!

– И всё же не надо было ему про квартиру намекать!

– Да кто его выгонял? Сказал бы «нет» и сидел бы дальше в своей квартирке, эгоист!

– Вот именно! Из-за этого и согласился. Попробовал бы тебе это «нет» кто-нибудь сказать...

– Ты из меня монстра-то не делай! – угрожающе прошипела Викуля и медленно начала двигаться в сторону Вити.

Беседа начала приобретать угрожающий характер, но тут хлопнула входная дверь. Родители замерли, прервав общение, которое начало ходить по кругу.

– Привет, олды! – прокричала Лена, шестнадцатилетний жизнерадостный подросток. – Чего опять не поделили?

– Дед твой из пансионата сбежал. Ещё записку оставил, чтоб мы не волновались! Издается! – прорычала Викуля. – Вот, полюбуйся! – протянула она тетрадный листок Леночке.

Леночка, пробежав глазами послание деда, плюхнулась на диван и, обхватив руками тощий живот, захохотала.

– Ой, не могу! Ну дед, ну отмочил, ну молодец!

– Чего ржёшь, как конь на переправе? Чё делать теперь? – разозлилась мать.

– Пусть погуляет! Свобода! У него её никогда не было! Вау! Круто!

– Вот ты бестолочь! Дедова любимица! Он же старый!

– А он что, любовницу себе нашёл? Свобода – сексу не помеха, а подруга!

– Тьфу на тебя, зараза! Какая любовница! Сопровождающая!

– А, ха-ха! После семидесяти это так называется? Не знала!

– Говорю же, сопровождающая! Она его лет на десять моложе!

– Ну, дед, обалдеть! Ещё и на десятку моложе! – продолжала хохотать Леночка. – Жалко, я не знала. Свинтила бы с ними подальше от этой учёбы и ваших криков!

– Дедовы гены! – брызнула ядом на дочь Викуля.

В дверь позвонили. Викуля, нервно тряся желеобразным задом, пошла открывать. В прихожую вошёл долговязый, похожий на отца Сашка, за ним всплыла яркая, пышная Жанна.

– Где вас носило? Уже больше часа ждём! – вместо приветствия выпалила Викуля.

– Сыну вашему спасибо скажите. Машина до сих пор в сервисе, на такси по пробкам добирались. И такси ждали сколько!

– Это вы ещё на автобусе не пробовали. Такси им, видите ли, не угодило, – пробубнила потенциальная свекровь. – Проходите уже!

Безупречность помещения была окончательно нарушена. Леночка переползла на мягкий коврик, Витя по-прежнему пытался вжаться в кресло, Сашка и Жанна уселись на диванчик, Виктория Геннадьевна, переполняемая эмоциями, продолжала стоять. Управляющая процессом женщина выдвинула вперёд кулак с зажатым в нём «посланием» Викентия, отчего композиция из присутствующих подозрительно стала напоминать скульптурную группу «В. И. Ленин и рабочие».

– Итак, вот! – начала она. – Сегодня ваш отец поехал проведать деда. Ни в комнате, ни в парке, ни в столовой, ни у медика, ни в зоне для отдыха его не обнаружил. Зато нашёл записку. Читайте!

«Мои дорогие! Прошу вас не беспокоиться и не искать меня. Я решил немного попутешествовать. Имею же я на это право? По поводу моих болезней не переживайте. Всё в соответствии с возрастом. Я давно научился с этим справляться и уверяю, что все лекарства и рецепты у меня с собой. Кроме того, я не один. Амалия Гавриловна – чудесная женщина, которая любезно согласилась провести со мной, возможно, мой самый последний отпуск. Не беспокойтесь, всё будет хорошо. Как только вернусь – сообщу».

В «скульптурной группе» повисла тишина. Первым подал голос Сашка.

– А кто такая эта Амалия?

– Тебя только это волнует? – прошипела Виктория. – Объясни ему, кто это! – повернулась она к мужу.

– Библиотекарь из пансионата, – тихонько ответил он.

– Библиотекарь, – медленно повторил сын. – Поездка обещает быть интересной...

– Дед отхватил престарелую молодуху! Что за кипиш? Радоваться за него надо! – подмигнув, высказалась Леночка.

– Как это – «престарелая молодуха»? – удивился брат.

– Для деда – молодуха, для тебя – старовата! Хотя и ты, и папочка любите таких! – хамовато ответила она, намекая на то, что и у отца, и у брата женщины были, мягко говоря, немного старше.

– Тебе бы всё ржать! А вот интересно, куда это он вернётся? «Как только вернусь – сообщу». И когда это он собирается вернуться? И куда его, старого мухомора, понесло? – продолжала злиться Вика.

– Ну, вернуться он может или к себе, или в пансионат. У Амалии отпуск не бесконечный, – высказал предположение Витя.

– К нам или в пансионат, – поправил его Сашка. – К нам с Жанночкой.

– Чё это к вам? Это квартира деда! – отрезала Леночка. – Отправили деда с глаз долой и радуются!

– Цыц! Не об этом речь! – рявкнула Виктория. – Что мы будем делать?

– Он уже почти шестьдесят лет совершеннолетний! Оставьте деда в покое! То баб Валя ему мозг выносила, то вы теперь!

– Вот ведь позор какой! Под старость лет! – вставила свои пять копеек Жанна.

– Подожди ты, это семейный совет, а ты пока ещё так себе! – твякнула Викуля.

– Это на что вы намекаете? Саш, ты что, просто так со мной живёшь?

– Да подождите вы, нечего сейчас тут свои отношения выяснять! – позволил себе подать голос Витя.

– А вы звонили ему? – внезапно спросила Леночка.

– Звонил, как только записку прочитал. Не отвечает.

Леночка набрала номер деда. Родственники замерли в ожидании чуда. Ждать пришлось недолго.

– Алё, дед, ты где? Тут у нас такое... Я так рада за тебя! Ты такой молодец! К чёрту всю эту суету! Оторвись по полной! – только и смогла скороговоркой выпалить Леночка, в то время как мать пыталась отнять у неё телефон.

– Викентий Валерьянович, это что, неудачная шутка? Как можно в вашем возрасте?

– ...

– Ну и что он сказал? – с неподдельным интересом спросил Витя, вытянув тонкую куриную шейку из обрамлявшего её жёсткого воротничка рубашки.

– Сказал, что всё в порядке, чтоб мы его не искали и что будет звонить Ленке раз в неделю, чтобы мы не волновались, – забыв о своём раздражении, медленно повторила слова Викентия Викуля, передавая телефон дочери.

Леночка приложила телефон к уху. Трубка молчала.

Глава 1. Кеша, Кешенька, Викентий

Автобус, устало вздохнув перед толпой пассажиров, растянул гармошку дверей. Толпа попыталась полностью втиснуться в салон, стараясь ещё больше уплотнить и без того утрамбованную человекомассу. Отдельным счастливчикам всё же удалось протиснуться в салон. Худосочный студент последнего курса математического вуза оказался одним из них.

Его высокий рост позволил крепко ухватиться за поручень почти под потолком транспортного средства. Чуть ниже за поручень уже держались руки, ручищи, лапы, изящные намяникоуренные пальчики, старческие узловатые персты... Другой рукой студент плотно прижал к тощей впалой груди папку с конспектами. В процессе достижения цели попадания в переполненный салон его жёсткие волнистые волосы растрепались. Чёрные в роговой оправе очки сползли с переносицы, лишив левый глаз возможности чётко видеть окружающих. Стараясь не наступить на ботинки, сандалии и туфельки, он бережно втиснул правую ногу между чьими-то ступнями. Всё, тело в автобусе и, кажется, находится в устойчивом состоянии.

Он осторожно покрутил головой, пытаясь разглядеть в салоне ту, которая вот уже несколько недель отвлекала его от мыслей об учёбе. Заприметить в толпе даму сердца не удалось. «Решено. Как только встречу её, обязательно подойду и познакомлюсь», – подумал он и почувствовал, как сжался от непонятной тревоги его наполненный овсянкой желудок.

Кашу Кешеньке каждое утро готовила заботливая бабушка, живущая с ним и его родителями в трёхкомнатной московской квартире. Родители преподавали в одном из столичных вузов, были спокойными, интеллигентными и понимающими. Семья была самая обыкновенная: по вечерам обсуждали прошедшие за день события, смотрели программу «Время», пили чай с плюшками и ванильными булочками, ели душистое варенье из яблок, выращенных на небольшой, но уютной даче, строили планы на будущее.

Как говорится, годы бежали быстро и незаметно. Кешенька постепенно превратился в Кешу, потом – в Викентия и вскоре должен был стать Викентием Валерьяновичем, завершив обучение в институте. Планы на будущее, помимо прочего, включали теперь надежду на хорошую невестку и румяных питающих внуков. Викентий же относился к тем молодым людям, которых для этого дела необходимо было знакомить. Любящие родители это не только понимали, но и действовали, подбирая потенциальных невест. А пока они подбирали, мысли Викентия обратились к одной девице.

Первый раз он увидел её в автобусе. Пышногрудая деваха сосредоточенно разглядывала толстую книжку, расположив её на круглых белых коленках, едва прикрытых ситцевым платком. Рыжие густые волосы, собранные в тугий хвост, вздёрнутый конопатый носик, пушистые белёсые реснички и очень, очень серьёзное выражение лица. Её мягкий деревенский облик никак не вязался с этим грозным выражением, которое она усиленно пыталась изобразить на своём личике.

Викентий исподтишка наблюдал за ней. Девица пялилась в книгу несколько минут, но страницы не листала. Викентию никак не удавалось разглядеть текст. Вместе с тем он чётко видел, что картинки, графики или схемы там отсутствуют. Девица внимательно изучала странички несколько остановок подряд, затем захлопнула книжку и с деловым видом подошла к выходу, успев, тем не менее, исподлобья бросить взгляд на Викентия. Он проводил её виляющую походку задумчивым взглядом и... забыл.

Однако через день он вновь встретил её на том же маршруте. Теперь она внимательно пыталась рассмотреть что-то сквозь немытое автобусное стекло. Викентий тоже посмотрел в окно, но ничего интересного там не увидел. Девица усердно хмурила брови, придавая лицу глубокомысленное выражение. Веснушки же на её носу подпрыгивали при каждом вздрагивании салона, внося нотку диссонанса в иллюзию сосредоточенности своей хозяйки. Казалось,

она тоже узнала Викентия. Он видел, как её взгляд несколько раз незаметно просканировал его тощую фигуру.

В следующий раз Викентий снова удостоверился, что она наблюдает за ним, и это отозвалось в его душе странным холодком. До этого девушки особого внимания на него не обращали. В школе он был тайно влюблён в одноклассницу Таечку. Она нравилась ему за острый ум, бойкий мальчишеский характер и лидерские качества. Его застенчивость не позволила признаться ей в любви, да и была ли это любовь – он не знал. Эта же рыжая попутчица явно проявляла к нему интерес. Викентий попытался воспользоваться аналитическим мышлением и пришёл к странному выводу: его привлекали девушки, совершенно непохожие на него.

Внезапно возникший обоюдный интерес придал ему смелости. Разговоры же родителей о предстоящих посиделках с потенциальной невестой казались ему гораздо большим злом, чем знакомство с рыжей попутчицей, к которой он, казалось, уже более-менее привык. Несколько дней он настраивал себя на знакомство, придумывая первые фразы. С облегчением вздохнул, обнаружив девицу в автобусе. Ещё и ещё раз убеждал себя в необходимости неминуемо надвигающегося времени «Ч» и, убедившись наконец, что она уже не просто наблюдает, а сверлит его зелёными хитрющими глазами, решился.

Судьба подарила ему очередную встречу с девицей не утром в переполненном автобусе, а после обеда по пути домой. Тут уж не отвертеться: торопиться никуда не надо, да и погода стояла тёплая и солнечная. Он вышел за ней на остановке и уже было открыл рот, чтобы произнести заготовленную фразу для знакомства, как вдруг случилось непредвиденное. Опять, что ли, судьба? Девица выронила на тёплую асфальтированную дорожку носовой платочек. Он подобрал слегка помятый кусочек ткани, и в голове пронеслось: «Слава богу, не надо ничего выдумывать!»

– Девушка, девушка, Вы потеряли!

– Валентина! – будто предугадав его желание, резко повернувшись, выпалила она и протянула руку ладонью вниз.

– Вы потеряли, вот!

– А тебя-то как зовут, рыцарь?

– Викентий, – удивляясь скорости их сближения, ответил он.

– Ну и долго ты, Викентий, собирался на меня пялиться?

– Простите, не понял.

– Я говорю, долго ты на меня смотреть в автобусе собирался? Месяц уже, наверное, смотришь!

Викентий уставился на неё в недоумении. Девчонка была откровенно наглой. Не так он представлял себе их первый контакт.

– Ну чего ты, Викентий? Тебе куда?

– А Вам, простите, куда?

– Слушай, давай на «ты». Мы и возраста, поди, одного. Сколько тебе?

– Двадцать три скоро. А Вам? Тебе?

– Да у женщин возраст не спрашивают! Ты с Луны свалился, что ли?

– Простите... Прости.

– Так чего? Куда идём?

– А Вам... тебе куда? Я провожу.

– Да я свободна, можно и прогуляться!

– Ну тогда, может, в парк? Здесь недалеко.

– А ты, я смотрю, москвич? Все места знаешь!

– Да, родился здесь.

– Я так и подумала, когда тебя увидела, – гордясь своей сообразительностью, сказала Валя.

– А Вы... ты?

– Я... из Иванова я. Ну, почти. Рядом там, в общем. Ну, пойдём, прогуляемся.

Девица бесцеремонно взяла Викентия под руку, и они пошли по направлению к парку.

За недолгую прогулку Валентина выудила из Викентия так много информации, что у него создалось впечатление, будто он побывал на допросе у напористого молодого следователя-карьериста. Где, с кем, в какой квартире он живёт, кто его родители и кем работала раньше его бабуля, чем занимается он сам и каковы его планы на ближайшие годы, какой домик стоит у них на дачном участке и хорош ли сам участок, где проводит лето его семейство, с кем дружит сам Викентий и его родители, как он относится к людям, выросшим в небольших провинциальных городах и имеющим амбициозные цели и стремления...

Валентина тараторила, смеялась, спрашивала, а иногда казалось, что некоторые ответы ей не нужны и главной целью было задать как можно больше вопросов. Прервать энергичный поток её речи было почти невозможно. О ней же Викентий узнал только то, что она окончила в родном городе медицинское училище и вместе с подругой «рванула за перспективами» в столицу. Снимают комнатку у какой-то бабушки, работают в стационаре, мечтают подкопиться и поехать к морю. Вот, в общем-то, и все амбициозные цели.

Возвращаясь домой, Викентий пытался проанализировать их первое общение. С одной стороны – неуёмный поток энергии и напористость, переходящая в наглость. С другой – весёлость и какая-то солнечная беззаботность. До этого с такими людьми общаться ему не приходилось. Сдержанная интеллигентность и природная флегматичность, присущие всем членам его семьи, выглядели на фоне Валентины теперь чем-то скучным и безжизненным. Поскольку разобраться в своём отношении к девушке он пока не мог, то решил воздержаться от рассказа домашним о знакомстве.

– Что-то наш Кешенька плохо кушать стал. Не заболел ли? И рассеянный какой-то. Носки свои вчера найти не мог, а ведь они всегда на одной полке лежат в его шкафчике, – посетовала бабуля.

– Викентий над дипломом работает. Это Вам, мама, не к семинару подготовиться, – парировал Валерьян Семёнович, отец Кеши.

– Помог бы ты ему, Лера. Так и до язвы недалеко. Жизнь долгая, наживётся ещё самостоятельно, – обратилась к мужу мать Кеши.

– Ну что ты, Галочка, ты ж моё отношение знаешь. Он у нас парень неглупый и, к тому же, самостоятельный с детства.

– Вот вечно Вы, Валерочка, со своей принципиальностью. Маленький был, и то помогать не разрешали. Шнурочки не завяжи, саночки не понеси, э-эх! Родитель!

– Вы, мама, и сейчас бы ему шнурочки завязывали, если бы не я.

– Ну к чему эта Ваша жёсткость? Детей любить надо и беречь! – сердобольно проговорила бабуля.

– Он не ребёнок уже. Сегодня ест плохо – завтра наестся. Викентий, иди-ка сюда! – сурово позвал отец. – Тут бабуля жалуется, что ты есть плохо стал. Что с дипломом?

– Нормально, пап. Правда, работы ещё много.

– Помощь нужна тебе? Как там у тебя: «Теория вероятностей и её применение в статистике»?

– Да нет, пап, я же другую выбрал, по математическому моделированию экономических процессов. Сам же говорил, перспективно и актуально.

– И не выговоришь такое! Ты бы, Кешенька, поменьше в Ленинках и университетах сидел. Совсем прозрачный стал! – запричитала бабуля.

– И в Ленинке, и в научно-технической, и в нашей, университетской, и в филиале Ленинки – везде был, бабуля. Мне интересно это.

– Так никогда и не женится, учёный, – вздохнула она.

– Ой, забыла совсем! У Кантемировых племянница после зимней сессии придет. Хорошая девушка, на третьем курсе Куйбышевского педагогического учится. Фотографию её видела. Умненькая девушка из интеллигентной семьи. Надо бы, Кеша, вас познакомить, – вдруг вспомнила Галина Матвеевна.

– Ух ты, сколько ждать-то. Наш Викентий до этого времени совсем растворится. Да, бабуля? – перешёл на игривый тон Валерьян Семёнович.

– Да я познакомился уже! – выдавил из себя Викентий.

Последовала немая сцена. Дело было вовсе не в знакомстве. Просто никто не ожидал, что их Кешенька может что-то утаить. Вечернее чаепитие предполагало обмен всеми событиями, происходившими с домочадцами в течение дня. И как же могло случиться, что такой открытый, добрый мальчик вдруг решил что-то скрыть?

«А парень-то вырос!» – подумал Валерьян Семёнович. «Какая-нибудь активная девица, ищущая надёжного, неглупого мужа с московской пропиской!» – подумала Галина Матвеевна. «Ой, что же будет?» – подумала бабуля. «Сейчас что-то будет...» – подумал Викентий.

– И кто она? – требовательно спросил Валерьян Семёнович.

– Вам сначала хорошую или плохую новость? – уточнил Викентий.

– А есть плохая? – охнула, опустившись на диван, Галина Матвеевна.

– С точки зрения теории вероятности, вероятно, есть, – задумчиво произнёс Валерьян Семёнович. – Давай с хорошей. Как говорится, если плохую услышать, можно до хорошей не дожить.

– Она жизнерадостный, открытый человек. Как ребёнок. Наивная и чистая.

– А плохая? – с опаской спросила Галина Матвеевна.

– У неё нет высшего образования, и она не из Москвы. Это, наверное, для вас неприемлемо.

– Слава богу! Ну что ты, Кешенька, лишь бы человек хороший был, – залепетала бабуля.

– Лишь бы любила тебя!

– Подождите, мама! – раздражённо прервал её Валерьян Семёнович. – Чем занимается?

– Работает. Медсестра в стационаре.

– А живёт где? – торопливо спросила Галина Матвеевна.

– Комнату снимает с подругой.

– Ты был у неё? Где вы познакомились? Кто её родители? Откуда она? – продолжила «бомбить» вопросами мать.

– Всё расскажу. Она правда хороший человек. Только на нас совсем не похожа.

– Могу себе представить! – отрезал Валерьян Семёнович.

– Так, родственники, давайте-ка расслабимся. Ничего не случилось. Вы же сами хотели, чтобы я с девушкой познакомился. Вот я и познакомился.

– Где?

– В автобусе, когда в университет ездил.

– Прекрасно! В автобусе! Достоин студента государственного университета из потомственной аристократической семьи! – подытожил Валерьян Семёнович.

– Ну, потомственный аристократ, положим, в нашем семействе только ты! – глядя на отца, отреагировал Викентий. – А я, получается, пятьдесят на пятьдесят.

– А внуки, получается, будут на четверть. Вот где применимо математическое моделирование экономических процессов! – усмехнувшись, высказался отец.

– Пойдём, мам, я с тобой это обсужу. Не очень сейчас хочется папиным сарказмом ужинать.

– Да, кстати, недолго там секретничайте. Ужинать пора. Надеюсь, аппетит у тебя после душевной беседы появится. Видимо, секреты у него в желудке хранились, вот он и ел плохо, – повернувшись к бабуле, с ехидством высказался Валерьян Семёнович.

И Кеша рассказал маме, какая необычная была его Валюшка. Как задорно она смеялась, как с аппетитом ела и пирожки, и мороженое, и пончики. Как заряжала его и всех окружающих энергией. Как делала, абсолютно не смущаясь, нелепые и смешные ошибки в словах. Как умела радоваться мелочам. И даже имя её произносил он с необычным ударением – на первом слове «Ва».

После ужина за вечерним чаем решено было пригласить Валюшку в семью для знакомства.

Глава 2. «Буду я невестка тихая, работающая жена...»

Галина Матвеевна изрядно нервничала перед встречей с будущей невесткой. Шутка ли – потенциальный член семьи. Побольше бы знать о ней заранее, но, похоже, что Кеша и сам знал о Валюшке немного. Несмотря на отсутствие негативного опыта семейной жизни – брак с Валерьяном Семёновичем был крепким и стабильным, – она всё же переживала. Во-первых, Галина Матвеевна привыкла всё и всегда контролировать, в том числе и жизнь собственного сына. Во-вторых, Викентий плохо разбирался в людях, а охотниц за молодыми, умными, перспективными юношами, да ещё с жилплощадью, в столице хватало.

Так хотелось предостеречь сына от ошибок! Да и свекровью Галина Матвеевна в ближайшее время быть не планировала. К такой роли готовиться надо заранее, а девочку хотелось бы выбрать самой. На работе Галину Матвеевну уважали, дома к её мнению прислушивались, соседи здоровались, знакомые приглашали в гости, мужчины уступали в автобусе место. Жизнь была хорошо спланирована, результаты радовали, и вдруг... Неизвестное пугает, особенно если оно возникает внезапно.

– Ты, Галина, суету не наводи! Подумай лучше, где мы её примем и чем угощать деву будешь, – видя её состояние, заявил Валерьян. – Она деревенская, может, на даче? Своя привычная атмосфера.

– Ой, как хорошо-то. Там и яблочки осенние, и зеленушечка, и воздух свежий, и погода стоит тёплая! – зататорила бабуля.

– Вы бы, мама, к себе шли. Решение мы Вам сообщим.

Бабуля, сжавшись от резкого тона Валерьяна, шурша шлёпанцами, прошла на кухню.

– Ну, может, ты и прав. Посмотрим на неё. Поговорим для начала, а потом уж и сюда пригласить можно будет, если нам понравится, – подытожила Галина.

– А если нет? Ему-то она, как я понимаю, уже понравилась!

– Кеша у нас понимающий, серьёзный. Надеюсь, кого попало не выберет.

– Посмотрим, – задумчиво произнёс Валерьян Семёнович. – А нет, так разговор короткий. Пусть дальше сам в жизни крутится. Значит, решено: на дачу! Пойду в гараж, машину подготовлю.

На дачу семья выехала накануне вечером. Видавшая виды кремовая «Волжанка» с серебристым оленем на капоте постояла на выезде из города в пробках, с наслаждением пробежалась по загородной шоссейке, свернула на пыльную просёлочную дорогу и, разбрасывая в стороны мелкие камешки, доехала до дачного участка. Занесли в дом продукты, поставили чайник. Пока он грелся, бабуля накрывала на стол. Галина Матвеевна вместе с мужем обошла дачные владения – шесть соток с грядками, плодовыми деревьями, ягодными кустиками.

– Эх, красота-то какая! Воздух какой! – выдохнул с наслаждением Валерьян Семёнович.

– Пионы розовые посадить бы надо.

– Ну, ты же знаешь, Галочка, что на даче я сажаю только печень! – засмеялся Валерьян.

– Ты бы, Лерочка, не шутил завтра так, когда дети приедут. У тебя чувство юмора своеобразное.

– Юмор освобождает механизмы ума! Марк Твен говорил. Кстати, уровень чувства юмора соответствует уровню интеллекта.

– Ну, знаешь, чувство юмора у всех разное.

– Надеюсь, оно у неё есть! Студенты же мои меня понимают!

– А ты не думал, что им просто приходится тебя понимать?

– Ну, знаешь... Хорошо. Попробую говорить про огород. Огород без забот: взял деньги – пошёл на рынок! – с пафосом произнёс он.

– Валерьян, я же просила!

– Ладно, постараюсь воздержаться. Пойдём. Хочется чаю испить. «Смеркалось, на столе, блистая, шипел вечерний самовар, китайский чайник нагревая, под ним клубился лёгкий пар...» Пушкина-то можно цитировать? Или это затронет ранимые струны её деревенской души?

– Пушкина можно. Пойдём. Бабуля, наверное, уже всё подготовила.

– Помнишь, мама моя, как девчонку чужую я привёл к тебе в дочки, тебя не спросив, строго глянула ты на жену молодую и заплакала вдруг, нас поздравить забыв, нас поздравить забыв... – запел Валерьян Семёнович густым мягким басом, обнял супругу за талию, и они пошли по направлению к дому.

Утро было по-осеннему солнечным, с лёгким туманом и запахом уже начинавшей желтеть травы. Позавтракав, глава семейства уселся с газетой в кресло-качалку на небольшой веранде, предоставив женщинам полную свободу в подготовке к встрече с будущей невесткой. Салаты нарезаны, заготовки откупорены, фрукты вымыты, закуски подготовлены, мясо замариновано. Времени до встречи гостей достаточно. Женщины разбрелись по грядкам и занялись обычными дачными делами. Валерьян Семёнович задремал, укрывшись мягким клетчатым пледом.

Скрипнула калитка, и все шесть соток заполнил звонкий игривый голос.

– Эй, родственники, вы что, не ждёте нас? Вот так да! Ехали, ехали, продуктов вон накупили, а тут и нет никого!

– Мам, пап, бабуля, вы где?

– Они, наверное, невестку испугались! Ау! Выходи по одному! В одну шеренгу – стройсь! На первый-второй – рассчитайсь!

– Ай, ай, как получилось-то! Дети уже здесь, а мы в грядках! – запричитала бабуля, вытирая руки о старенький передник.

– Идём, идём! – прокричала Галина Матвеевна, поспешно подбежав к умывальнику, чтобы ополоснуть руки. – Валерьян, подъём! – прошептала она в сторону дремавшего мужа.

Валерьян Семёнович, сбросив на кресло плед, подскочил и стал стряхивать с одежды невидимые соринки.

– Иди, встречай, мы сейчас! – сдавленным голосом приказала жена, и Валерьян уверенной тяжёлой походкой пошёл к детям.

Валюшка уже бойко разгружала привезённые пакеты на стоящий под яблоней стол. Глаза Валерьяна Семёновича медленно округлились. У стола суежилась рыжая коренастая девушка. Упитанный задок едва прикрывала короткая розовая юбка, из-под которой виднелись упругие крепкие икры. Острые шпильки белых босоножек, вонзающиеся в мягкую земляную дорожку, видимо, совершенно ей не мешали. Девушка повернулась, услышав шаги Валерьяна, и его глаза стали ещё больше. Глубокое декольте подчёркивало упругую белую грудь огромного размера.

– Валентина! – бодро выпалила она, протягивая крепкую тёплую ладонь.

– Э... Валерьян Семёнович. Отец Викентия, – ответил он на приветствие, вернув себе самообладание.

– Да я поняла! Чей же ещё? – подмигнув Валерьяну, ответила бойкая девушка. – А где мама и бабуля?

– Я – Галина Матвеевна, – сдержанно произнесла Галина. На протянутую руку она не отреагировала и лишь внимательно посмотрела на сына.

– Вот и мы, мам! Это Валюшка. Моя... моя подруга. А это наша бабуля, – обратился он к Валентине.

– Здравсте! Валя!

– Здравствуй, деточка. Хорошенькая какая, – обращаясь к Валерьяну и Галине, сказала бабуля.

– Ну, просто сдобная булочка! А грудь-то какая! Я б с такой... Ух! – развеселился Валерьян Семёнович.

– Валерьян, мы же договаривались! – недовольно проговорила Галина.

– Ну, женщины, несите, что у вас там припрятано для гостей! А мы пока по участку прогуляемся!

Бабуля с Галиной Матвеевной поспешили, чтобы перенести подготовленные блюда из дома в сад. Валерьян Семёнович, обняв за пухлые плечи Валу и подмигнув сыну, принялся описывать красоты и достоинства шести соток.

– А у нас на даче яблони ранние и летние. Осенних нет. И груш нет. Для них у нас не климат. Смородина, крыжовник тоже есть. А я щи со щавелем люблю. Растёт у вас? – тараторила Валентина.

– Да был где-то. Женщин спрашивать надо. Я в этих делах не очень.

– Я ещё с крапивой молодой люблю! Только она за участком, целая плантация! Вот бы всё так росло. А то ведь как оно: сначала трясёшься, чтоб взошло, потом – чтоб росло, потом – чтоб ничего не сожрало, потом, после заготовок, чтоб не взорвало!

– А-ха-ха! – рассмеялся Валерьян Семёнович. – Точно! Я вот своим говорю: едешь утром на любимую дачу, а возвращаешься с этого, будь он неладен, огорода! Это всё бабуля. Викентий в детстве слабый был, витамины нужны. Вот и приобрели себе заботу. Сначала участок, потом домик построили. Теперь вот отдыхать ездим. Ну, кто отдыхает, кто работать после трудовых будней продолжает.

– Ой, а у вас яблоня болеет. Парша, вроде. Листья надо будет все собрать и сжечь. И падалицу, чтоб инфекции не было. И опрыскать мочевиной. Ветки больные обрезать. И весной опрыскать...

– Стоп, стоп, стоп! Это ты нашим дамам рассказывать будешь. Викентий, смотри, какие познания! Прямо как у тебя в математике! Ну, пора закругляться. Пойдёмте к столу.

– Ну что, дети, предлагаю поднять бокалы за знакомство! – начал застолье Валерьян Семёнович и разлил по бокалам сухое красное вино. – Бабуля у нас не употребляет, Викентий тоже. Почти. Да, Викентий? – улыбнулся он, глядя на сына.

– Папа преувеличивает, – ответил, улыбнувшись, Викентий. – По праздникам – почему бы и нет!

– А я шампанское люблю или сладкое чего-нибудь. Мамка из ягод вино делает неплохое.

– А мама ваша чем занимается? – задала вертевшийся на языке вопрос Галина Матвеевна.

– Да они с отцом на заводе вкалывают. У нас и дед с бабкой там работали. Хотели, чтобы я династию продолжила, но я решила в медсёстры пойти. Пользы больше семье будет. У нас среди родственников врачей нет, а болеют все!

– Чем, простите, болеют? – попыталась уточнить Галина Матвеевна.

– Да кто чем! ОРЗ там, грипп. Когда как.

– То есть наследственных заболеваний нет?

– Наследственных нет. По мне же видно, что я здорова, как... Ну, нормально всё. Мужики пьют, конечно, но они не алкоголики. На заводе многие это дело любят. Работа-то тяжёлая. Пока нагоняй от жён не получают, не остановятся. Да шучу я! – увидев испуганные глаза Галины Матвеевны, завершила рассказ о родственниках Валя.

– Ладно, в сторону допрос! Итак, за знакомство! – попытался спасти ситуацию Викентий.

– А вам, Валечка, сад наш понравился? – вставила свой вопрос бабуля.

– Ой, да она в этом деле профи! Про лечение яблонь мне пыталась рассказать. Это по вашей части! Ну-ка, расскажи им, Валентина, как надо, чтобы всё было отлично. А мы с Викентием пока мангальчик запалим.

Валентина, пододвинув к себе вазочку с вишнёвым вареньем, с аппетитом начала выгребать оттуда вязкие ягоды. С удовольствием облизывая ложку, снова и снова зачерпывала

вишни, сплёвывая в кулак тёмные липкие косточки. Рассказывала все премудрости ухода за плодово-ягодными посадками, стараясь показать себя знающей, умной. Не зря всё-таки проводила большую часть свободного времени с родителями на огороде. Вот если бы её о книгах и театрах спрашивали, тогда беда, а так – очень даже кстати!

Закончив есть душистое варенье, Валентина, не задумываясь, швырнула косточки в кусты. Галина Матвеевна в ужасе посмотрела на бабулю. Бабуля незаметно развела руками. «Что поделаешь, девочка деревенская. Лишь бы хороший человек был, да любила Кешеньку», – сказал её молчаливый взгляд.

К столу вернулись мужчины, и напряжение постепенно исчезло, уступив место шуткам Валерьяна Семёновича, интеллигентным замечаниям Галины Матвеевны, мягкому юмору Викентия и залиvistому смеху Валентины.

Сидели долго, до заката, пока из кустов не потянуло осенней прохладой. Валерьян Семёнович, несмотря на обещания, после нескольких рюмочек расслабился и сыпал шутками, чем вызывал недовольство супруги. Бабуля старалась всем угодить и с любовью посматривала то на Викентия, то на Валю. Галина Матвеевна была напряжена и, к удивлению, обнаружила, что Валерьян и потенциальная невестка понимали друг друга с полуслова. «Сдобная булочка» хохотала над каждой шуткой и, казалось, уделяла больше внимания будущему тестю, чем будущему мужу. Викентий смотрел на Валюшку влюблёнными глазами. Ему нравилось в этой встрече всё: смешливость отца и его топорный юмор, интеллигентность матери, заботливая суетливость бабули и, конечно, Валюшка – такая смешная, мягкая, весёлая. Рыжее счастье.

Потом отец, сын и Валя долго сидели, укутавшись в пледы, на веранде и неспешно разговаривали ни о чём. Вернее, говорил Валерьян Семёнович, веселя всех байками из жизни студентов. Позже к ним присоединились бабуля и Галина Матвеевна со своими рассказами о детстве маленького Кешеньки. Викентий немного смутился, опровергая отдельные истории. Валюшка искренне, задорно хохотала, и её молодая энергия заставляла улыбаться напряжённую Галину Матвеевну. Ближе к полуночи бабуля и родители ушли спать, а Викентий с Валюшкой ещё долго сидели на веранде и о чём-то шептались.

Галина Матвеевна поначалу пыталась обсудить возможную невестку с мужем. Валерьян Семёнович, с удовольствием растянувшись на кровати, подытожил:

– Ну что тут скажешь! Разные они, конечно. Но она девчонка неглупая. Думаю, Викентия будет держать крепко.

– Ты думаешь, она его любит?

– Это уж сами пусть разбираются. Боевая она – это точно. Викентий у нас в бабулю: мягкотелый. Ему по жизни направляющая рука нужна.

– Лишь бы эта рука никуда его не завела. Ему диплом защитить надо, в аспирантуру поступить, преподавать потом. Зачем ему такая жена?

– Поговори с ним. Может, поймёт. Я ничего против неё не имею, но опасения, конечно, есть. «Волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень...» – процитировал он, зевая. – Давай спать. Будет ещё время.

Валерьян Семёнович, развернувшись к стене, пожелал супруге спокойной ночи и засопел. Галина Матвеевна ещё долго ворочалась в кровати, прислушиваясь к тихим голосам, раздававшимся с веранды.

Глава 3. Мальчик вырос

Глядя на окрылённого Викентия, Галина Матвеевна переживала. Она считала Валюшку абсолютно неподходящей девушкой для создания семьи. Тем не менее мать заняла выжидающую позицию. Пусть сын узнает её получше, поймёт, что за молодой энергией скрываются провинциальная нахрапистость и желание заарканить стоящего жениха. Не прошло же воспитание Кешеньки даром, должен же он увидеть ограниченность ума, подкреплённую отсутствием интеллигентности и недостатком образования! Возможно, он одумается и осознает, что для семьи нужна та, кто понимает и поддерживает супруга, кому не чужды его интересы. А какие у него могут быть с ней общие интересы?

Дни пролетали быстро, превращались в недели и постепенно переросли в очередной пасмурный осенний месяц. Викентий по-прежнему светился после встреч с Валюшкой, как «лампочка Ильича». Блуждающая на его лице улыбка делала, на взгляд Галины Матвеевны, лицо сына глуповатым, а его рассеянность и вовсе огорчала материнское сердце. «Хоть бы не надумал найти работу и перейти на заочку. Какая тогда может быть аспирантура!» – размышляла она, украдкой глядя на Викентия.

Вечернее чаепитие за семейным столом перестало быть для него обязательным ритуалом, что особенно огорчало бабулю, души не чаявшую в своём Кешеньке. Валерьян Семёнович, полностью погружённый в работу, казалось, специально просиживал всё время в кабинете, обложившись научными журналами, чтобы не замечать наступивших перемен.

– Что делать будем, Лерочка? Может, зря я на самотёк всё пустила? – устало сказала Галина Матвеевна, присев на краешек кожаного дивана в кабинете мужа.

– О чём ты? – спросил он, глядя на жену рассеянным взглядом из-под очков.

– О Кеше, конечно. О сыне твоём. Ты как будто не замечаешь.

– Да что случилось-то? Парень диплом получил, в аспирантуре учится. Ну, реже вечерами дома, ну, не рассказывает нам особо ничего, так ведь вырос он, не мальчик уже!

– Так тебе всё равно, кто в наш дом войдёт? Лишь бы учился?

– Послушай, Галина, я думал, что тебя это всё устраивает. Ты ж молчишь, ничего не говоришь. Я думал, ты – за! Мне, знаешь ли, некогда ваши женские мысли читать.

– Я думала, он пообщается с ней поближе и почувствует, что они совершенно разные. Смотрю на него и сердце сжимается. Чужим он каким-то стал. Улыбка ещё эта нелепая...

– Мужиком, наверное, стал, вот и ходит с блаженным выражением!

– Как это «мужиком»? Что ты имеешь в виду?

– Спит с ней, наверное. Вот что я имею в виду!

– Да как ты... Да что ты говоришь такое, Валерьян! – повысив голос, почти выкрикнула супруга.

– Вы, женщины, очевидного не хотите замечать. Девка активная, мясистая, созревшая давно, а тут такая удача. Чего теряться?

– Как спит? С этой... С ней? Наш Кеша? – взвизгнула Галина. – Ты ещё скажи, что она беременна!

– А может, и так. Внуки будут крепкие, здоровые. Закваска-то какая! – продолжил в своём саркастическом тоне супруг.

– Издеваешься? Что за выражения плебейские! – срывающимся голосом завопила Галина Матвеевна.

– Чего тут у вас? Чего шумите? – заглянув в дверной проём, спросила бабуля.

– Вот, мама, Галина Матвеевна тревожится, что Викентий на Валюшке женится, – рассмеялся Валерий Семёнович.

– Что, предложение сделал? Наконец-то! – всплеснула руками бабуля.

– Да вы вместе решили меня на тот свет отправить? – уже сквозь слёзы пискнула Галина и, забыв про приличия, выкрикнула: «Идиотизм какой-то!»

Смекнув, что гнев супруги на ночь глядя может обернуться крахом для продуктивной научной работы – он особенно любил работать по ночам, – Валерьян Семёнович подсел к Галине Матвеевне и, приобняв её за плечи, попытался успокоить взвинченную женщину.

– Ну-ну, Галчонок, я же пошутил. Пошутил я, слышишь? Успокойся. Кешенька наш – мальчик робкий, благоразумный. Вряд ли дело до секса дошло, – скрывая улыбку, добродушным голосом пропел он.

– Господи, Лера, о чём ты при маме! – выдавила из себя тут же покрасневшая Галина.

Лицо бабули бесшумно исчезло за прикрывающейся дверью.

– Ну что, ты так категорически против? Ну, подумаешь, неотёсанная. Освоится, отшлифует. Сама знаешь, Москва не сразу строилась! – продолжал Валерьян Семёнович успокаивающим тоном.

– Да, освоится, да, отшлифует, а что с наследственностью делать? И какое у него с ней будущее?

– Ну что ты прикажешь? Он же нас вряд ли послушает. А девчонка она неглупая, работающая, да и Викентию нужна твёрдая рука. Ты же у меня молодец, Галочка: подскажешь, направишь, научишь. Из неё толк будет при твоей поддержке. Поговори с ним, а если он не одумается, придётся принимать ситуацию. Познакомимся поближе. Может, всё не так и плохо. Ну, успокоилась?

– Успокоилась, – буркнула Галина Матвеевна, потом вздохнула и сообщила, что пойдёт помогать бабуле готовить чай, а с Викентием непременно сегодня поговорит.

Викентий к чаю не явился, а Валерьян Семёнович, сославшись на необходимость подготовки к выступлению, от вечерних «посиделок» отказался. Две женщины, прихлёбывая горячую золотистую жидкость из фарфоровых чашек, молча жевали пахнущие ванилью рогалики и смотрели в экран телевизора. Чего тут обсуждать, когда ничего не ясно? Заботливая бабуля после чаепития унесла посуду на кухню и сообщила Галине, что пошла к себе отдыхать.

Галина ждала сына довольно долго. Хорошо, что завтра суббота и нет необходимости спешить к первой лекции. Плохо, что завтра суббота: Кеша тоже не спешит. От неё не спешит! Раздражённый мозг Галины Матвеевны всё время пытался нарисовать эти ужасные картинки сексуальных утех её чистого, романтического Кешеньки с «мясистой давно созревшей» девицей. Наконец Галина Матвеевна уловила тихий скрежет ключа в замочной скважине, и тут же её сонное состояние растворилось в материнской тревоге.

– Чего ты не спишь, мамуля? – удивлённо прошептал Викентий.

– Ты видел, сколько времени? Час ночи почти! Какой сон, когда тебя нет дома? Я думала, что-то случилось!

– Извини, мамуль, задержался. Пешком шёл, автобусы уже не ходят.

– От неё? Ты дома у неё был? – повышая голос, спросила Галина.

– Да нет, на концерте были. Я же говорил вам...

Галина поймала себя на мысли, что сын действительно что-то такое говорил. Организм отреагировал мгновенно. Она облегчённо выдохнула и обмякла. «Вот ведь Валерьян! Совсем взбудоражил меня своими домыслами о физической близости!» – пронеслось у неё в голове.

– Как концерт, понравился?

– Ты знаешь, да. Валюшка была в восторге.

– Не думала, что ей понравится симфоническая музыка, – всё ещё раздражённо проговорила Галина.

– А чего мы в коридоре стоим? Пойдём в зал, расскажу.

Они прошли в комнату, и Викентий, возбуждённый то ли от концертной программы, то ли от очередной встречи с Валюшкой, рассказал о своих впечатлениях.

- Спрошу прямо. Ты спал с ней? – вдруг резко выпалила Галина Матвеевна.
 - Мам, ты что? Она не такая. От тебя я такого вопроса не ожидал. Ладно бы отец...
 - Прости, Кеша. Вот отец как раз своими шутками и довёл меня до такого вопроса. Прости, – смутилась она. – Ты её любишь?
 - Люблю, мам.
 - Но она же совсем из другого... Она же совсем не нашего круга, что ли. А как же общность взглядов? Ты помнишь, как у Экзюпери? «Любить – это не значит смотреть друг на друга. Любить – значит смотреть в одном направлении».
 - Я понимаю твои опасения, мам, но у нас есть общие взгляды.
 - На что, Кеша? На что?
 - На дружбу, на семью, на любовь, на общее будущее, наконец. Разве этого мало?
 - Общее будущее? Ты сделал ей предложение? – округлив глаза, спросила мать.
 - Нет ещё, собираюсь, – ответил он, и на его лице появилась улыбка, которая так не нравилась Галине.
 - Господи, Кеша, ты всё обдумал? Без нас?
 - Как раз хотел это с вами обсудить.
 - Обсудить или сообщить нам о своём решении? Нас это что, не касается?
 - Мамуль, ну что с тобой? Конечно, касается, но вы же не против были?
 - Да я не знаю её совсем! Разве одной встречи достаточно?
 - Одной – нет, но я-то с ней общаюсь уже давно! Это же мне с ней жить. Папе ведь она понравилась, и бабуле, и ты её полюбишь. Она добрая, открытая, светлая, её невозможно не полюбить!
- Кеша смотрел на мать сияющими глазами, но она почувствовала, что этот взгляд словно проходил сквозь неё как рентгеновский луч. Перед сыном была не та, которая его родила, окружила заботой и любовью, тревожилась и переживала, радовалась его успехам и готова была пожертвовать чем угодно ради стабильного и качественного будущего, а другая: чужая, пугающая Валюшка. Надежда на то, что эта Валюшка никогда не будет её невесткой, рухнула.
- Чего ты молчишь, мамуля? – спросил Викентий, прижавшись щекой к её плечу.
- На виске Галины предательски запульсировала голубая прожилка. «Что делать? Что делать? Что делать?» – пронеслось у неё в голове.
- А давай её в гости к нам пригласим? На даче она у нас была, а здесь нет. Поближе познакомимся, – нашла в себе силы проговорить Галина Матвеевна, оставляя последнюю надежду на то, что сын всё же рассмотрит Валюшку получше и откажется от этой жуткой идеи.
 - Спасибо, мамуля. Я сам хотел вам это предложить. Она будет рада. Спрашивала недавно, куда вы пропали.
 - Пропали... Работа, заботы, – подавив в себе раздражение, сказала Галина Матвеевна.
 - Это вы, молодёжь, часов не наблюдаете. Ну да ладно. Оставим эти... Чего откладывать? В следующую субботу будем её ждать, если, конечно, у неё не будет срочных дел, – с сарказмом проговорила мать.
 - У неё дежурство в больнице может быть. Я спрошу. Если что, перенесём на недельку?
 - Перенесём, перенесём. Давай спать ложиться. Поздно уже, – вздохнула Галина Матвеевна.
- Так дачные смотрины получили своё продолжение.

Глава 4. Познакомиться поближе

Галина Матвеевна любила свою квартиру. Валерьян Семёнович получил её за особые заслуги в сфере образования. Руководитель кафедры высшей математики, уважаемый человек в науке, подготовивший множество студентов строительных специальностей, постоянный участник симпозиумов и научных конференций, автор научных статей и методических материалов...

Они въехали туда ещё до рождения Кешки. Чуть позже перевезли туда из подмосковной деревни и мать Галины Матвеевны – бабулю. Любившая чёткость и упорядоченность во всём, Галина постаралась распределить обязанности между всеми, дабы большая квартира не превратилась в «авгиевы конюшни».

Бабуля отвечала за порядок в доме: с удовольствием начищала фаянсовые и фарфоровые изделия, протирала старым чистым носком Викентия пылюку, с нежностью поливала цветы, пылесосила, мыла, стирала, наглаживала... Пекла плюшки и булочки, наполняя все три комнаты чудесным ароматом. Словом, создавала уют и следила за чистотой. В обязанности Валерьяна Семёновича входило поддержание порядка в его кабинете и возвращение вещей на их законное место. Маленький Кеша должен был складывать свои игрушки, не кричать и не бегать по квартире и, придя домой, аккуратно ставить обувь в надлежащее место.

Галина Матвеевна сначала взяла на себя роль дизайнера, а после того, как квартира была обставлена в соответствии с советскими потребностями и модой, мнила себя заместителем руководителя. Руководитель де-юре был Валерьян Семёнович, де-факто же процессом руководила она, следя, чтобы каждый качественно исполнял свои «квартирные функции». Несмотря на то, что капитальный ремонт в квартире давно не делался, решено было всего лишь поменять обои, побелить потолки и подкрасить окна и двери. Паркет, лепнина на потолке, двери с узорчатыми стёклами и затейливыми ручками остались нетронутыми, что придавало квартире особый, душевный стиль.

Гости бывали у них нечасто, однако каждый их приход непременно сопровождался положительными отзывами о квартире, которые приятно ласкали самолюбие хозяйки. И вот теперь появилась опасность пребывания чужого, инородного тела на родной территории.

Галина Матвеевна с ужасом представляла, как Валюшка, лохматая и сонная, плетётся на её, Галинину, кухню, как девица неплотно закрывает дверь туалета, оставляя за собой запах своего присутствия, и как спит – о ужас! – вместе с Кешенькой на диване в гостиной, выселив саму хозяйку в комнату к престарелой бабуле. Надеясь на благоразумие сына, она, тем не менее, никак не могла справиться со своим беспокойством. Однако ничего не поделаешь: наступил день «знакомства поближе»...

– Ого! Хорошо вы устроились! – восхитилась Валюшка, войдя в просторный вестибюль дома. – И лифт здесь есть! Обалдеть!

– Пойдём, покатаемся, – улыбнулся Викентий и, приобняв Валюшку за талию, увлёк её в сторону лифта под пристальным взглядом консьержки.

Квартира вызвала у девицы ещё больший интерес, который она в силу своего характера не смогла скрыть.

– О, у нас тоже отрывной календарь висит, удобно! И трюмо есть, а вот чеканки нет! – оглядела она длинный полутёмный коридор. – А рога чьи? – то ли в шутку, то ли всерьёз спросила она, глядя на костяное ветвистое достоинство оленя, висевшее над тёмно-коричневыми часами «Янтарь».

– Не мои, надеюсь! – рассмеялся Валерьян Семёнович, рассматривая будущую родственницу.

– О, здрасте! Рада Вас видеть! – выпалила она, подавая крепкую тёплую ладонь Валерьяну. – А мать где?

Галину Матвеевну, завершавшую последние приготовления у накрытого стола, передёрнуло. После такого обращения – «мать» – она сделала вид, что не слышит, и молча проплыла на кухню.

– Пойдём, я покажу тебе квартиру, – предложил Викентий. – Давай только поздороваемся с мамой.

Они прошли на кухню. Казалось, напряжение Галины передалось и венским стульям, и небольшому квадратному столику, и сыпучим продуктам в красных жестяных баночках, на которых красовались белые горошины, и даже давно забытым вещам на антресолях под высоким потолком.

– Здравсьте, Галина Матвеевна! – разорвав напряжение, почти прокричала Валюшка. – Мы пришли!

– Здравствуйте, Валентина, вижу. Мойте руки. Всё готово.

– Мы сначала квартиру посмотрим. Мне Вик экскурсию предложил!

– Понятно, – многозначительно ответила Галина и, развернувшись к госте спиной, усердно начала тереть полотенцем чашку.

– Сначала ко мне! – громогласно предложил Валерьян и, пройдя вперёд, открыл дверь своего кабинета. – СССР – самая читающая страна в мире!

– Да, знаю, – отозвалась Валентина. – Ого, сколько у вас тут литературы! Что, всё читали? – спросила она, указывая на полки с книгами, стоящими стройными рядами от потолка до пола. – Обложки красивые!

Валерьян Семёнович поперхнулся, а потом со свойственным ему сарказмом заметил:

– Да я всё больше пишу, читать некогда, да и работа мешает.

– Я так и подумала, но для престижа годится! Ой, а я его знаю! Это Энрике Хэминвей! – с гордостью выпалила Валюшка, указывая на чёрно-белое фото Эрнеста Хемингуэя. – Мог бы свитер снять, когда фоткался. Рубашка бы ему больше подошла. Знаменитость, всё же!

– Именно так! Полностью с Вами согласен, – расхохотался Валерьян, поглядывая на смущённого Викентия.

– А здесь мы с бабулей живём, – открывая дверь в небольшую комнату-спальню, продолжил «экскурсию» Викентий.

Валюшка увидела комод, на котором красовались сувенирные фарфоровые фигурки, стоящие на ажурной вязаной салфетке, небольшой заваленный тетрадами стол Викентия, тахту, кровать бабули с пирамидой из пухлых подушек, накрытых кремовым тюлем. Взгляд задержался на настенном коврикe с изображением рыжих оленей, пасущихся у ярко-синего водоёма среди пышных, ядовито-зелёных растений.

– У нас дома такой же ковёр, только оленей больше и вулканы вдалеке.

– Бабуля с собой привезла. Мама против была, а бабуля сказала: «Память. Не дам выбросить», – извиняющимся тоном проговорил Викентий.

– А медведь этот старый зачем здесь? – удивилась Валюшка, глядя на плюшевого друга детства, сидящего на подоконнике и уставившегося в одну точку стеклянными глазами.

– А это моя память. О детстве.

Валюшка в недоумении посмотрела на него, развернулась и молча пошла в гостиную.

За столом уже сидели появившаяся откуда-то бабуля и Галина Матвеевна.

– Ну, молодёжь, по местам! – скомандовал громогласный Валерьян Семёнович, пододвигая Валюшке стул.

– Красиво как у вас! Люстра какая, с висюльками! Каскад? – восхитилась девица.

– Это «Северное сияние», хрусталь, – смягчившись, произнесла Галина Матвеевна.

– А у нас пластиковая, с кругляшами, «Одуванчик», что ли...

– «Спутник», – поправила её Галина.

– А стенка польская?

– Югославия, – с гордостью ответила хозяйка, поймав себя на мысли, что восхищение этой девицы всё же приятно.

От шустрой Валюшки не ускользнули дисковый белоснежный телефон на столике тёмного дерева с изящными, как у газели, ножками, напольный торшер с однотонным абажуром, отороченным бахромой, красивые тяжёлые плотные шторы и репродукции знаменитых художников, фамилии которых она, конечно же, знала, но забыла. Однако она решила быть девушкой скромной и попыталась придержать свои эмоции. Так, сидящий за столом щенок с вождением смотрит на лакомый кусочек, лежащий перед его чутким носом.

На вопросы будущей свекрови отвечала с достоинством и прямолинейной простотой. С облегчением хохотала над шутками Валерьяна Семёновича и незаметно ловила тёплый, любящий взгляд бабули. В Викентии чувствовала какое-то напряжение, но была уверена, что он всегда и всюду готов защищать её от любых неприятностей. Ела как всегда с аппетитом, нахваливая блюда, приготовленные Галиной Матвеевной, и ещё не раз отпускала комплименты по поводу уюта и стиля хозяйской квартиры.

Потом попрощались, и Викентий проводил Валюшку до остановки. Мать просила непременно вернуться побыстрее и помочь ей с уборкой. На прощание он притянул девчонку за талию и поцеловал в упругую щёку. Счастливая Валюшка, разгорячённая от переполнявших её радостных эмоций, энергично помахала ему из окна автобуса.

Разговор с матерью после возвращения домой окончательно расставил все точки над «и»: он влюблён и на днях сделает Валюшке предложение.

Галина Матвеевна пообещала, что сделает всё для счастья сына, и даже предложила, чтобы они в целях экономии поначалу жили все вместе. Затем привела квартиру в порядок, сообщила о своём мудром решении мужу, который продолжал вносить свой вечерний вклад в дело науки, расположившись по привычке в своём кабинете, приняла ванну и уселась на мягкий, любимый диван перед телевизором. Как хорошо: все разошлись по комнатам, никто никому не мешает.

По телевизору шла какая-то передача про животных. «...Скунсы, несмотря на наличие своего «химического оружия», используют его только в самых редких случаях. Видя опасность, они сначала пускают в ход серию предупреждающих сигналов, пугая врага: громко топают лапами, двигаются боком, поднимают хвост вертикально. И только если всё это не помогает, разворачиваются к врагу задом, закидывают хвост на спину и выбрызгивают струю ядовито пахнущего секрета в обидчика...»

В голове Галины Матвеевны молниеносно возникли странные ассоциации. «Да нет, я вела себя очень даже прилично, но ведь это нормально – не любить совершенно чужого человека. Да, может, и не удавалось скрывать раздражение, ну и что? Я пыталась. Пыталась использовать всё, что в моих силах. Но ведь и Валерьян, и Викентий, и даже бабуля – все видят её по-другому. Может, и я со временем что-то в ней разгляжу. Ну, а если нет, придётся действовать без всяких интеллигентных штучек, ведь ради счастья сына можно использовать любое «химическое оружие!»

«Химическое оружие» не понадобилось. Валюшка, как и предполагал Валерьян Семёнович, после свадьбы оказалась прилежной ученицей и старательно впитывала правила хорошего тона, преподносившиеся новоиспечённой невестке свекровью.

Опасения Галины Матвеевны по поводу утраты своего влияния не подтвердились: она по-прежнему оставалась полноправной хозяйкой дома, а сын прислушивался к её мнению и целовал на ночь в обе щеки. Вот только ночевать теперь приходилось на месте Викентия в

комнате бабули. Валерьян Семёнович, засиживающийся допоздна в своём кабинете, предпочитал ночевать там же. Молодожёны на ночь устраивались в гостиной.

Днём же всё оставалось по-прежнему: большая комната была местом встреч всех членов семьи, а по вечерам возобновилась традиция чаепития и обмена новостями.

Какое-то время свекровь всё же настороженно относилась к невестке, незаметно за ней наблюдая. Её осторожность вряд ли можно было назвать пугливостью, скорее – стратегией выживания во избежание открытого противостояния. Своим поведением она напоминала самой себе кошку, следящую за вылезшей из норы мышью и готовую в любую минуту наброситься на жертву, если та совершит любое неверное движение.

Валюшкины дежурства в больнице позволяли Галине Матвеевне общаться с сыном наедине. В такие вечера она иногда высказывала Викентию своё недовольство. Однако, видя радостные глаза сына, мать постепенно начинала привыкать к мысли о том, что эта девица действительно делала его счастливым. Полюбить Валюшку у неё не получалось, зато скрывать своё раздражение она научилась. Кроме того, стремление невестки соблюдать правила сосуществования смягчило сердце свекрови, а рождение внука Витеньки и вовсе растопило лёд между такими разными женщинами.

Глава 5. Должна быть мечта

Семья – это то, что казалось Викентию раз и навсегда данным, и каждый в семье был ему по-особому дорог. Казалось, что с потерей близких он теряет что-то очень важное и, несмотря на постепенно отступающую боль, становится другим. Ушла из жизни бабуля, потом родители. Постепенно горе притупилось. Помогали работа и те задачи, которые постоянно ставила перед ним жизнь. Теперь уже у взрослого Витеньки были свои дети – их с Валюшкой внуки. Семья наполнилась новыми членами и, казалось, продолжила жить по давно установленным правилам. Однако невестка Викуля думала по-другому.

После рождения второго ребёнка однокомнатная квартира, которую Валерьяну Семёновичу удалось получить для Вити, стала, по мнению Викули, совсем непригодной для жилья. Перебравшись с Витей и детьми в трёхкомнатную к Викентию и Валюшке, Викуля начала контрнаступление. Она постоянно давала понять, что Викентий и Валюшка – отдельное образование, которое должно не только помогать молодой семье, но и не мешать. Решено было отправить «стариков» в однушку.

Викентий поначалу был в недоумении, ведь ему никогда не мешали ни бабуля, ни родители. Валюшка же ситуацию приняла сразу, поскольку видела, что Викуля буквально грызёт её любимого Витеньку, и, если вступить в конфронтацию, победу одержит молодая, наглая самка.

Постепенно они привыкли жить вдвоём. Неуёмная энергия Валюшки с её чётко поставленными для Викентия задачами помогла ему после выхода на пенсию принять и новый темп жизни, и утрату социальных связей, и тяжесть от отсутствия преподавательской деятельности. Теперь он был просто завален делами во имя внуков, и это помогало ему находить новый смысл жизни, и вдруг... внезапное горе.

Человеку нужно время, чтобы понять и принять изменения, чтобы адаптироваться и пойти по жизни дальше. Процесс принятия проходил у Викентия Валерьяновича долго. Уход жены раскрасил его мир в серые оттенки в прямом и переносном смысле. Притупились чувства, исчезли желания, остановилось время. Время не лечит, оно учит. Учит ценить мгновения. Потеряв близкого, мы вдруг начинаем тосковать по тем мелочам, на которые раньше не обращали внимания. Всплывают в памяти незначительные просьбы, мимолётные образы, звуки.

Викентий уставился на покрывшуюся серой пылью фотографию, с которой на него смотрела молодая улыбающаяся Валюшка, держащая на руках маленького Витю. Сын был копией отца: такой же худенький, с большими грустными глазами. Валюшка его обожала и готова была затискать и зацеловать до безумия. Сын нехотя сопротивлялся, но отвечал ей такой же сильной любовью.

Коктейль из её неуёмной энергии, позитива и умения подчинять любого своим желаниям приходилось пить не только Вите, но и самому Викентию Валерьяновичу. Считалось, что она всегда знала, что и как нужно мужу и сыну. Викентий поначалу воспринимал это с улыбкой, потом – с хорошо скрываемым раздражением и, наконец, смирился. Он предпочёл тратить силы не на никчёмные препирательства, а на исследовательскую и научную деятельность. Валентина принадлежала к тем женщинам, с которыми лучше было побыстрее согласиться. Постепенно все привыкли, что в их семье так и должно быть.

Когда у неё случился инсульт, поначалу казалось, что она обязательно справится. Однако через несколько дней её не стало. Наверное, это не жизнь и не болезнь, а она сама так решила. Не могла она превратиться в совершенно другого, беспомощного человека.

Сначала Викентий ощутил странное, холодное недоумение. Не может быть, чтобы её больше не было. Не верилось, что она никогда не войдёт в квартиру, не засмеётся, не будет греть на кухне посудой и звать на вечерний чай. Потом были осознание и боль. Когда боль при-

тупилась, пришла растерянность. Привыкший к ежедневным указаниям, Викентий чувствовал себя совершенно потерянным. Никто не ставил никаких задач, не составлял список покупок в магазине, не планировал выходные. Странное чувство. Так чувствует себя рыба, вытащенная из привычной среды на берег, всё ещё совершающая привычные движения, не приносящие никакого результата.

Когда-то маленький Витя с увлечением рассматривал перевернувшегося на спинку жука.

– Пап, а что будет, если жуку никто не поможет?

– Наверное, сам перевернётся и убежит. Ну, а если нет... – Викентий посмотрел на сына и решил слукавить. – Обязательно перевернётся. Он сильный. Смотри, какие у него мощные лапки!

Сын тогда долго ждал, присев на корточки, но жуку всё никак не удавалось перевернуться. Когда Витя на пару минут подбежал к позвавшей его маме, Викентий помог насекомому встать на лапки. Сын, вернувшись, поверил, что жук действительно справился, и только Викентий знал, кто помог этому беспомощному хрущу.

«Теперь я как тот членистоногий», – как-то подумал Викентий, совершенно не удивившись ассоциации, навеянной таким незначительным эпизодом из прошлой жизни. Вот только помощи он не ждал. У Вити давно была своя семья. Внук Сашка – студент вуза – пытался завершить обучение и по понятным причинам почти не имел свободного времени. Внучка Леночка – «неудачное», как считала жена сына Викуля, создание – грызла гранит науки в медучилище, как когда-то её бабушка. Особого рвения к учёбе она не проявляла, зато успевала слушать современные музыкальные хиты, встречаться по вечерам с друзьями и немного грубить постоянно контролирующим её родителям. И всё же именно она, то по просьбе отца, то по личной потребности, иногда забегала к деду.

– Привет, дед! Ставь чайник, я твои любимые булочки принесла! – залетая в квартиру, обычно кричала она.

– И тебе здравствуй, стрекоза, – улыбался Викентий.

– Ты тут как старый дуб, мхом зарос! Пылища какая. Давай, пока чайник греется, я протру.

– Так я и есть старый дуб!

– Я имела в виду «как дуб»!

– А я имел в виду «старый»!

– А я не ботаник, чтоб в деревьях разбираться! Вообще, ты больше на Дон Кихота похож! Такой же худой, добрый, благородный. Идеалист из другой эпохи! Только тот был странствующий рыцарь, а ты безвылазно дома сидишь.

– Лыцарь...

– Что?

– Лыцарь. Ты так в детстве говорила.

– Лыцарь Печального Образца! Помню, дед, помню! – отозвалась она откуда-то сверху, протирая пыль со стеклянных полочек серванта.

– А помнишь, дед, как я понять не могла, почему Сервантес книжку написал? Сервантес – он же для чашек, для блюдец всяких! – рассмеялась Леночка.

Он помнил. Ему вообще приятно было вспоминать то время, которое он проводил с внучкой. Леночка, обладая неуёмной энергией, передававшейся ей от Валюшки, всегда наполняла их общение радостью и лёгкостью. Вот и сейчас Викентия радовали, пожалуй, только её приходы.

– Давай за стол! У меня времени мало. Чай заварился?

– Всё готово. Садись, егоза.

– Традиции нарушать нельзя!

– Да я их с тобой только и соблюдаю. Какие у меня теперь традиции?

– Ты, дед, совсем-то не угасай! Телевизор смотри, книжки читай, на улицу выходи. Там, кстати, весна, если ты не заметил!

– Я в магазин хожу.

– Если б тебе продукты приносили, ты бы вообще никуда не ходил. Нельзя так. Надо двигаться, жить! Время, знаешь, как быстро летит?

– Это ты всегда спешишь, вот у тебя времени и мало, а у меня его полно, потому что я жду.

– Чего ждёшь? – насторожилась Леночка.

– Когда жизнь кончится. Очень долго время тянется.

– Ну, блин, дед, ты даёшь! Да вокруг полно интересного!

– Я уж, Леночка, видел всё интересное.

– Это ты так думаешь. И вообще, как же я? Предки вечно грызутся, Сашка занят своей Жаннет и учёбой, только с тобой человеком себя и чувствую!

– Булочки вкусные. Бабуля моя такие же пекла. Спасибо, Леночка.

– Дед, ты слышишь меня? О будущем надо думать!

– А разве у стариков есть будущее?

Леночка устала на деда. Такие мысли ей в голову не приходили. В своём возрасте она точно знала, что есть прошлое, настоящее и будущее. О том, что время воспринимается каждым по-своему или вообще может останавливаться, она не имела представления.

– У стариков в моём возрасте, Леночка, хорошо, если настоящее есть.

– Так, дед, ты мне это упадническое настроение брось! Чтобы будущее было, надо чего-то ждать! Придумай, чего бы тебе хотелось. Хочешь, в парк с тобой схожу или в зоопарк. Или... в цирк, давай билеты куплю! Ты в цирке был?

– Был когда-то, ещё с папой твоим маленьким. Ему понравилось. А уж бабушка твоя как хохотала!

– А ты, тебе-то понравилось?

– Да я тогда о другом думал.

– О работе? О студентах своих? О науке?

– Да, что-то в этом роде. Не помню уже.

– Всё, дед. Билеты куплю.

– Да нет, Леночка, давай лучше в парк.

– Ну, в парк, так в парк. Я побежала. Давай, телик включи, не кисни!

Леночка, вскочив в стоптанные кроссовки, поцеловала Викентия и выскочила в подъезд, хлопнув дверью.

Викентий убрал со стола чашки, стряхнул марлечкой крошки, помыл посуду и присел перед телевизором. «Ну что, Валюшка, будем делать? Телевизор, что ли, смотреть? Леночка пыль стёрла, теперь как новый показывать будет, – обратился он к старой фотографии. – Вот ведь какая выросла. Вся в тебя: шустрая, деловая. Ждать, говорит, надо чего-то. Сашка, говорит, может, женится. У всех что-то происходит, а я сижу здесь, Дон Кихот-теоретик».

Телеканалы один за другим исполняли свои функции, не отличавшиеся разнообразием: политика, спорт, мультфильмы, еда, музыка, сериалы... Викентий с безразличием следил за мелькающими кадрами, потом взял лежащий рядом журнал с программой передач на неделю, поправил очки и перелистал уже изученные страницы. «Чего же здесь можно выбрать, чтобы ждать?» Отложил журнал и посмотрел на книги, заполнявшие полки от пола до потолка. Валюшке никогда не нравилось такое количество литературы. Однако Викентий, беспрекословно подчинявшийся её желаниям, всё же настоял на том, чтобы книги остались. Среди старых переплётов были ещё приобретённые его родителями. Большинство – научные, и лишь небольшая часть – художественные. Все эти книги, казалось, были с ним с самого рождения. И даже сейчас, переехав в эту квартиру, он настоял на том, чтобы книги переехали с ним.

Однокомнатная квартирка была маленькая, район – тихий, соседи... Соседи разные, совсем не похожие на тех, с кем Викентий жил раньше. Там каждый с уважением относился к его родителям, да и самого Викентия знали с пелёнок. Зато теперь магазин находился рядом. «Кстати, вот туда я и пойду, прогуляюсь. Надо же чего-то ждать. Чего? Встречи с кефиром!» – улыбнувшись, подумал Викентий, надел длинный старомодный плащ, импортные, слегка потерявшие от прожитых лет форму туфли, шляпу, взял шуршащий пакет и вышел.

– Моё почтение, проф-фэс-сор! – делая вид, что приподнимает шляпу, поприветствовал его Васька – сосед сверху.

– Здравствуйте, Василий!

– Вот за что я тебя уважаю, так это за то, что ты ко всем с уважением!

– Благодарю. Позвольте...

– И жена твоя хорошая была, Царствие ей Небесное! Куда путь держите-с?

– Вы бы, Василий, бросали выпивать.

– А чё делать? Дети сами по себе, жена грызёт, работа надоела уже! Хочу как вы, на пенсии сидеть! Ик!

– Вам, Василий, подумать надо, чего вы на самом деле хотите. Будет мечта – будут ожидания, а там и возможности придут. Главное – захотеть.

– Захотеть! Ты-то сам чего хочешь?

– Я, Василий, в магазин пройти хочу, за кефиром!

– Пожал-ста! Прощу вас! – изображая из себя лакея, поклонился Васька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.